

Р. Н. Абрамов

«Нам хватает!»: жизнь и приключения постсоветского рабочего класса, увиденные глазами зарубежного этнографа

Обзор книги¹: Morris J. 2016. *Everyday Post-Socialism. Working-Class Communities in the Russian Margins*. London: Palgrave Macmillan. 292 p.

АБРАМОВ Роман Николаевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры анализа социальных институтов департамента социологии факультета социальных наук НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник ФНИСЦ РАН. Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая 20,.

Email: rabramov@hse.ru

Эта статья является рецензией на книгу этнографа Джереми Морриса «Повседневный постсоциализм: сообщества рабочего класса в российской периферии». Книга основана на этнографическом исследовании жизни и труда населения провинциального индустриального российского города Излучино в 2009–2012 гг. Дается характеристика советского и постсоветского феномена моногородов, которые в настоящее время часто имеют множество социальных проблем. Автор анализирует социальное положение жителей Излучина и описывает их семейные, трудовые, биографические траектории. Исследование показывает важность перехода от советского к постсоветскому периоду для российского рабочего класса. В 1990-е гг. рабочие этого города утратили уважаемый статус и стабильную занятость и перешли в ситуацию выживания. Моррис анализирует философию населения Излучина, в центре которой находятся принципы «Нам хватает» и «Жить можно!». Автор книги описывает биографические траектории различных поколений и касается семейных отношений. Между старшим и младшим поколениями жителей Излучина возникает недопонимание, связанное с различным видением своего места в социальной и профессиональной структуре. Рассматривается роль женщины в семьях рабочего класса, чья функция заключается в заботе и поддержании семейной целостности. Отдельное внимание уделяется трудовым отношениям на местных предприятиях; показана трансформация корпоративных культур местного бизнеса. На смену мягкому патернализму советских предприятий приходят жесткие менеджерские модели управления. В книге содержится методическая рефлексия автора о его работе в качестве этнографа. Книга Дж. Морриса представляет интерес для социологов, антропологов, этнографов, специалистов по гендерным исследованиям и трудовым отношениям.

Ключевые слова: этнография; рабочий класс; малый город; повседневность; труд; гендер; постсоветский.

¹ Текст подготовлен для проекта «Этнография рабочего места» (Фонд Хамовники), <http://khamovniki.ru/projects/etnografiya-rabochego-mesta.html>

Этнографическое освоение постсоветского пространства

Постсоветский мир для западных этнографов, антропологов и социологов на долгое время превратился в чудесную страну Эльдорадо, откуда, подобно сталкерам Стругацких, можно приносить «хабар» в виде исследований, статей, монографий и диссертаций, описывающих «жизнь других» — людей и сообществ, обитавших на осколках советской империи, чей ландшафт, архитектура и устройство повседневности, казалось, так сильно отличаются от западных. В основном, бывший Советский союз был и остается удобным пространством для антрополога — в большинстве мест не так опасно, как, например, на Ближнем Востоке, от Европы не так далеко, как до островов Тихого океана, имеется своя экзотика, но есть и близость к европейскому социальному и культурному контексту, а при этом беспроницаем имидж России как «мрачного бурого медведя», мечтающего о территориальном и военном реванше после конца советской империи. Внешний взгляд на российскую жизнь действительно нередко бывает точнее и глубже, нежели «туземный», поскольку объективная социальная и культурная дистанция формирует необходимое напряжение восприятия реальности, фильтр, с помощью которого здравый смысл (*common sense*) практики и способы мышления становятся проблематизированными и поддаются описанию. Конечно, есть опасность экзотизации исследовательского поля, но даже если это происходит, то обычно касается осевых точек реальности, лишь гиперболизируя их.

Антрополог Джереми Моррис², на первый взгляд, относится к той же волне академических сталкеров, посвятивших значительную часть своей научной биографии изучению и пониманию провинциальной российской жизни, и жизни рабочего класса в малых городах страны. Результатом этих исследований стала книга «Повседневный постсоциализм: сообщества рабочего класса в российской периферии», где раскрывается жизненный мир и социальное устройство индустриального моногорода Излучина (Калужская область) в 2009–2012 гг.

Книга начинается, как пьеса, с кратких характеристик действующих лиц («Cast Characters»), основных и второстепенных, — информантов из Излучина, с которыми тесно общался исследователь. Для российского читателя сведения об информантах говорят столь же много об их жизненной ситуации и окружающей действительности, как «список кораблей» для Гомера. Это люди, связанные семейными узами, живущие в небольшом городе и имеющие ограниченные шансы для территориальной и социальной мобильности. Они всё еще остаются в культурной среде рабочего класса, хотя некоторые из них создали или пытались создать собственный мелкий бизнес, уезжали в Москву на заработки или получили высшее образование и имеют «беловоротничковую» работу:

Саша: квалифицированный водитель автопогрузчика. Примерно 35 лет, старший сын Льва. Планирует между формальной и неформальной занятостью, но, в конце концов, интерпретирует формальную занятость как потерю независимости. В результате работает в качестве неформального таксиста («бомбила»), переместившись в неформальный сектор экономики [Morris 2016: VI].

Полина, примерно 25 лет, мерчандайзер электронных сигарет, пыталась начать новую жизнь в Москве, но встретила много трудностей и лишений, из-за чего вернулась в Излучино. Ей отвратительны инфантильные мужчины Излучина. Схожие дилеммы женской судьбы и у ее подруги Юлии [Morris 2016: VI].

«Тетя Маша», примерно 60 лет, работает в качестве библиотекаря в местном Доме культуры» [Morris 2016: VI].

² Сведения об авторе исследования см. на его университетской странице: [http://pure.au.dk/portal/en/persons/id\(075b3bed-2a7a-4c07-af5c-9632de377b6e\).html](http://pure.au.dk/portal/en/persons/id(075b3bed-2a7a-4c07-af5c-9632de377b6e).html)

Почитав эти и другие короткие характеристики участников исследования, человеку, знакомому с жизнью российской провинции становится понятно многое об атмосфере, в которой походило исследование.

Философия достаточности

В предисловии автора, которое называется «Длинные сумерки фабричной вотчины» («Preface: The Long Twilight of the Factory Fiefdoms»), Моррис рассуждает о специфике изучения рабочего класса провинциальной России и характеризует важный для этой части населения водораздел — ДО и ПОСЛЕ советской власти. При этом информанты Морриса не выделяют каких-то более дробных периодизирующих категорий и не рассуждают о том или ином финансовом и экономическом кризисе 1990-х гг., поскольку весь постсоветский период для Излучина — это постепенная утрата статуса промышленного моногорода и соответствующей трудовой идентичности его жителей. Ссылаясь на исследования позднесоветского и постсоветского сознания С. Ушакина, А. Юрчака, Д. Кроули, С. Рейд, О. Шевченко и С. Бойм, Моррис подчеркивает различия в их оптике восприятия времени, делая это через мнение и нарративы представителей городского образованного среднего класса и собственный взгляд, насыщенный исследовательскими впечатлениями, полученными в ходе общения с жителями провинциального моногорода, преимущественно рабочими и мелкими служащими. Моррис работает в жанре современной этнографии и пишет о «людях как о теориях или идеях» [Morris 2016: XIII].

Первая вводная глава книги «“Грошовой” приданое советской промышленной современности» («Introduction: The ‘Worthless’ Dowry of Soviet Industrial Modernity») продолжает введение и начинается как скандинавский хоррор — с авторского рассказа о том, что после почти часового пути от Калуги на старом автобусе, по плохой дороге, в компании примерно 20 пассажиров, возник указатель «Излучино», за которым была видна местность, изрытая в ходе многолетнего производства цемента в этом городке. Потом на сцене появляются первые жители из числа пожилых людей, живущих в Излучино, и ведут неспешный рассказ о состоянии промышленности и особенностях местной повседневности. Один из таких жителей — «Иван Иванович», скучающий пенсионер в ожидании внуков, готов поделиться собственным мнением о произошедшем с предприятиями города в перспективе глобальной геополитики и с ностальгией вспоминает времена, когда даже при советской экономике дефицита в холодильниках жителей Излучина было столько «колбасы, что она портилась и её приходилось выбрасывать» [Morris 2016: 6].

Моррис отмечает, что жизненной философией его информантов стала философия не достатка, но достаточности, выражающаяся в формуле «Нам хватает», то есть концентрации на том, что есть сейчас, и этого вполне достаточно, для того чтобы более менее жить, а не выживать, и турбулентность неопределённости 1990-х гг. уже осталась позади. Эта философия отличается от жизненных позиций образованного среднего класса из больших городов [Абрамов, Зудина 2009; 2010; 2012], который не желает мириться с имеющимся уровнем и качеством жизни, но ориентирован на его улучшение, пусть даже в сугубо потребительском измерении: следующий автомобиль, новый смартфон, холодильник или курорт должен быть лучше, престижнее предыдущего, а следующая должностная позиция выше. Также социальный этнограф активно пользуется термином *Habitability* [Morris 2016: 9], который лучше всего переводится распространённой в России фразой, определяющей текущую ситуацию как «Жить можно!», тогда как в 1990-е гг., скорее, соответствующей высказыванию «Жить невозможно!». Термин *Habitability* (дословно — обитаемость) вобрал в себя чувство настороженности в отношении этого отчасти эфемерного, основанного импровизированном эквилибриуме практик труда и повседневности времени, к которому определение «стабильность» практически не применимо, и в этом его отличие от определения позднесоветского времени как, в первую очередь, «застоя» [Klumbytè, Sharafutdinova 2015]. Иными словами, в сознании информантов Морриса существуют три эпохи: «стабильное» время реального социализма; период выживания 1990-х гг.; терпимое время относительной

понятности и безопасности, начавшееся в первые годы нового века. «Обитаемость» можно понимать как термин, отражающий хрупкие, неуправляемые и импровизированные формы и практики жизни людей на российской окраине.

Как показано в книге, между старшим и младшим поколениями жителей Излучина возникает недопонимание, связанное с различным видением своего места в социальной и профессиональной структуре. Например, для одного из молодых героев книги личная автономия, хобби и возможность менять источники заработка и не быть привязанным к рабочему месту важнее, чем «стабильность» постоянного найма и ощущения себя частью сплочённого трудового коллектива у представителей старшего поколения.

В этой же главе, как и во всей первой части книги, которая называется «Пространства и местности» («Spaces and Places»), Моррис обращается к характеристике советского и постсоветского феномена моногородов, которые в настоящее время нередко являются социальной проблемой для региональной и федеральной власти. Обращаясь к работам Н. Зубаревич и других исследователей, этнограф вступает в дискуссию относительно определения провинциальной России как депрессивного пространства нищеты, безработицы и социального распада. Моррис полагает контрпродуктивной «демонизацию» [Morris 2016: 19] обычных людей, живущих в малых и моногородах. Впрочем, по его замечанию, схожие оценки рабочего класса как отмирающей архаичной социальной группы, олицетворяющей неэффективность и негибкость реального социализма, давались в странах бывшего советского блока Восточной и Центральной Европы. То, что происходило в Излучино в течение 1990-х и в начале 2000-х гг., можно назвать периодом полураспада деиндустриализации [Linkon 2013], и этот длительный период умирания «инфицировал» окружающее социальное пространство и сказался на сознании жителей данного моногорода.

Моррис предлагает ретроспективный взгляд на послевоенную историю Излучина, от строительства деревянных бараков на месте изб, сгоревших в ходе краткой оккупации вермахтом, до интереса Минсредмаша к этой местности и строительства панельного жилья в 1960–1970-е гг. Долгое время Излучино действительно было моногородом (хотя и имело статус посёлка городского типа), но в настоящее время здесь работает несколько предприятий, дающих примерно 2000 рабочих мест для местных жителей. Производственные площадки советских предприятий фрагментируются и руинируются, и на их территории появляются полуформальные малые бизнесы, занимающиеся кустарным производством или услугами — заправкой ацетиленовых баллонов, авторемонтом и т. п. Занятость на этих точках также чаще неформальная, зарплаты выдаются просто на руки.

Женщины из рабочего класса занимают особое положение на производстве и в семье. Одна из героинь исследования, Галина, является опытной работницей на производстве пластика и после выхода на пенсию своего мужа, стала главной кормилицей в семье. Несмотря на низкую зарплату, она продолжает работать и ощущать привязанность к предприятию, не утратив профессиональной идентичности рабочей. Одновременно она выполняет домашнюю работу — готовит еду, присматривает за порядком, детьми и внуками, фактически объединяя как материальные, так и символические основы семьи [Morris 2016: 24]. Моррис отмечает высокую значимость труда для Галины, поскольку именно здесь она ощущает себя компетентной, востребованной, профессиональной, и для работодателя такой тип работницы — аккуратной, исполнительный и соблюдающей трудовую этику — должен быть удобен.

Изменчивое и постоянное в культуре труда

Патернализм был в центре управленческой и социальной политики советских предприятий, и сформировался особый моральный порядок отношений между работодателем и рабочими, где ключевым

словом был «авторитет» [Morris 2016: 32]. Этот порядок подразумевает взаимное понимание и демонстрацию уважения между рабочими и руководством предприятия, которые составляли вместе «трудо­вой коллектив», и — одновременно — понимание того, что условия труда недостаточно хороши. Возникла ситуация молчаливого компромисса между рабочими и управленческим звеном. В системе этих отношений социальные гарантии и социальные выплаты были не менее важны, нежели основная заработная плата. К тому же предприятие обеспечивало работников соответствующей социальной инфраструктурой, в том числе медицинским обслуживанием, культурным досугом, путёвками в санатории и, например, возможностью приобретения дефицитных товаров. Всё это исчезло вместе с распадом советской системы, и, по мнению Морриса, именно в этом проявились первые признаки прекариатизации труда «синих воротничков» в Излучине: после ухода Минсредмаша они остались предоставленными самим себе, к чему добавились общие для всей страны проблемы — хронические невыплаты зарплат, инфляция и массовые увольнения с разоряющихся предприятий.

Далее Моррис фокусируется на характере труда в малых бизнесах, возникших на остатках советской промзоны, где нередко работают без трудовых книжек, получая зарплаты наличными, без какого-либо учёта. Эти бизнесы появляются нередко как результат предпринимательских усилий бывших работников социалистических предприятий и действуют хаотично, то разоряясь, то открываясь снова и меняя профиль своей работы. Обычно на таких бизнесах численность занятых колеблется от 10 до 100 человек.

Рядом с Излучино всё ещё продолжает существовать натуральная форма хозяйствования, получившая распространение в 1990-е гг. Сельские жители старше 40 лет нередко пробавляются торговлей само­гоном, сбором грибов и ягод с последующей их продажей за совсем небольшие деньги или даже сбором и сдачей лекарственных растений. Это скорее режим выживания, а не режим достаточности [Morris 2016: 37]. По возможности, сельские жители перебираются в Излучино или куда-то ещё в городские центры, где есть работа.

Моррис рассуждает о связи между локальным и глобальным контекстами жизни Излучина и отмечает, что провинциальную Россию не следует исключать из глобальных цепочек производственных отношений: международные концерны нередко располагают свои промышленные филиалы в малых городах, туда приезжают европейские специалисты налаживать технологические линии, а местные жители включаются в международную торговлю, предлагая уникальные товары (например, выращивают гусей для рождественских столов жителей Скандинавских стран) [Morris 2016: 39]. К тому же, и в малые города, и в сельскую местность направляются этнические мигранты, чем приток стимулируется бизнесом, заинтересованным в простой и послушной рабочей силе, не интегрированной в местный социальный контекст.

Характеризуя новые бизнесы, возникшие в Излучино в течение 1990-х гг., Моррис упоминает о важности патерналистских принципов отношений между предпринимателем и рабочими, которым такой формат был знаком по советскому опыту и рассматривается ими как понятный в новых условиях. Так, именно идеологию «защиты» рабочего люда в ситуации перемен через предоставление постоянного найма исповедует один из местных бизнесменов, создавший небольшое производство пластиковых труб на останках минсредмашевского предприятия.

В целом, можно сказать, что первая глава книги Морриса лишь развивает темы и идеи, относящиеся к характеру идентичности и повседневности Излучина, давая читателю возможность немного глубже понять устройство трудовых отношений на территориях «промзон».

Вторая глава книги «Синеворотничковая индивидуальность после фабрики» («Blue-Collar Personhood³ After the Factory») посвящена сумеречной зоне непостоянной занятости в так называемой гаражной экономике, куда попали те, кто был подростками в позднюю перестройку и 1990-е гг., кто так и не нашёл себя в профессиональном смысле уже во взрослом состоянии. Таков один из героев этой главы — 35-летний Саша, поработавший на всех предприятиях, во всех мастерских и магазинах Излучина и нигде подолгу не задерживающийся. В социологии таких, как он, принято относить к прекариату или фрилансерам, но оба термина не слишком хорошо подходят к социологической классификации Саши: в первом «защита» интенция леволиберальных требований социальной защиты и постоянного найма, а второй больше ассоциируется со столичным веб-дизайнером, разрабатывающим креатив для очередного хипстерского медиа, или с девушкой, продающей онлайн крафтовые украшения. Саша не является ни тем, ни другим, ни третьим. Он своего рода «человек без свойств», ни от кого не ждущий помощи, стремящийся ни к чему не привязываться надолго и лишь продолжающий много лет вести жизнь 18-летнего выпускника школы накануне призыва в армию, который мается от безделья и находит то один, то другой случайный приработок. Нельзя сказать, что Саша является социальным маргиналом; он оставался по контракту в армии, затем вернулся, женился, у него двое детей, вместе с семьёй он живёт в 25-метровой комнате бывшего рабочего общежития в Излучино.

В этой главе Моррис даёт слово Саше и его друзьям — тем, кто не смог и не захотел продолжить трудовую династию и быть промышленными рабочими, как их родители, кто отказался примерять на себя определённый профессиональный статус (Саша говорит о себе так: «Я просто обычный парень, не рабочий»), однако при этом обладает широкими навыками ремонта всего и вся и предпочитает постоянному найму беспокойное дело нелегального таксиста. Опираясь на идеи М. Буравого, Моррис показывает, как в этом низовом экономическом сегменте размываются понятия «досуг» и «приработок», «дружеская взаимопомощь» и «оказание платных услуг», уходит в прошлое разделение времени труда и отдыха, основанное на фабричном трудовом ритме.

В советское время таких, как Саша, называли летунами из-за частой смены рабочего места и относились к ним с подозрением, считая нелояльными трудовому коллективу и предприятию, которое боролось с «текучкой кадров», предпочитая долгосрочную лояльность сотрудников. Однако непостоянная занятость Саши связана не только с его психологическими особенностями, но и с изменением условий труда на промышленных предприятиях Излучина, где социальные обязательства со стороны работодателей были полностью отброшены.

Моррис не отказывается от анализа отношений между предприятием и работником в новых условиях и показывает нестыковку взаимных ожиданий владельцев бизнесом и сотрудников: такие, как Саша, стремятся к самостоятельности, определённым образом ими понимаемой, а предприниматели считают подобных сотрудников конфликтными [Morris 2016: 58]. Саше и подобным ему трудно отказать в трудолюбии, просто они не могут найти своей ниши в системе постоянного найма. Как свидетельствует Моррис, знакомые Саши, работающие на цементном производстве, далеко не всегда понимают своего товарища, полагая, что он просто «дурит», вместо того, чтобы осесть на одном рабочем месте. Между тем Саша попробовал себя и на современных гибких производствах, казалось бы не обременённых советской патерналистской культурой; в частности, он устраивался на зарубежное автосборочное предприятие в Калужской области, корпоративная культура которого предполагала стимулирование рационализаторских предложений и низовых инициатив рабочих. По словам Саши, на деле это оказалось ложью. Он предложил внести изменения в инструкцию для сборщиков, что позволило бы повысить производительность труда. Однако менеджеры были озабочены буквалистским соблюдением инструк-

³ Используемое в названии главы слово *personhood* может быть переведено и как «субъективность», и как «личность», и как «индивидуальность», но ни один из этих переводов не отражает всей полноты содержания данного понятия.

ций, поэтому его инициатива не нашла поддержки, а сам труд рабочих жёстко контролировался, не оставляя пространства для творчества [Morris 2016: 65–67]. Так Саша разочаровался и в работе на современном производстве и вернулся в «сумеречную зону» самозанятости и свободы ремесла в духе DIY (Do It Yourself, или «Сделай сам»), а его философия труда стала опираться на принципы специфически понимаемой независимости и возможности творческой реализации различного рода задумок, связанных с ремонтом и улучшением окружающих вещей и машин.

Однако в этой же главе книги слышна и позиция работодателя — владельца и менеджеров одного из ведущих цементных заводов Излучина, прошедшего модернизацию и, с одной стороны, внедрившего современные технологии и методы и управления, а с другой — унаследовавшего патерналистские черты советских предприятий, от организации питания до проведения конкурса подобного «социалистическому соревнованию» и даже предоставляющего медицинскую страховку лучшим рабочим.

Моррис говорит о трансформациях труда на российских предприятиях в постсоветский период, ссылаясь на работы Л. Левинсона, Б. Кагарлицкого, С. Алашеева и С. Кларка. Он пишет о различиях в трудовой культуре советских рабочих (долгое время изолированных от глобального производственного контекста) и в культуре новых капиталистических предприятий. Ссылаясь на различные исследования, автор говорит о чувстве товарищества и особом типе автономии в сфере труда, которой обладали рабочие социалистического производства. Менеджерам необходимо искать компромисс с рабочими, тогда как в условиях капитализма, с одной стороны, возникла потребность в гибкости как особой социально-психологической характеристике работника [Абрамов, Климова 2010], а с другой, рабочие стали рассматриваться только как человеческий ресурс, который требуется подчинить жёстким инструкциям, минимизировав самостоятельность. Соответственно менеджеры низшего звена — мастера, прорабы и начальники участков — теперь говорили от лица менеджмента, а не были, как раньше, частью сложной системы переговоров и компромиссов между руководством заводов и рабочими.

В целом, данная глава показывает амбивалентность социальной и трудовой позиции работающих нового типа, отказавшихся от рутины постсоветского промышленного производства, но так и не нашедших себя в полной мере в других профессиональных сферах, а поэтому находящихся в пространстве «гаражной экономики», сумеречной зоны труда и занятости. Это далеко не всегда значит, что несостоявшиеся «синие воротнички», подобные герою этой главы Саше, ощущают дискомфорт, поскольку отключены от базовых социальных систем: неформальная занятость не даёт им возможности рассчитывать на пенсию, а зарабатывать на жизнь они могут исключительно до тех пор, пока физическое состояние организма позволит им «крутиться» и маневрировать в неопределённости труда.

«Гаражные» вселенные малого российского города

Третья глава книги называется «Неформальная экономика: уходя в подполье, но выходя из тени» («Informal Economy: Going Underground but Coming Out of the Shadow») и посвящена тому, что теперь можно назвать «гаражной экономикой», если только под экономикой подразумевается исходный смысл — способы ведения хозяйствования, а не монетарные отношения. В начале главы Моррис рассказывает читателю о том, что «русский гараж» — это явление, выходящее далеко за пределы функционального предназначения, то есть хранения автомобиля, но увязывающее вместе практики мужского братства, бесконечные «русские разговоры» [Рис 2005], обмен навыками, опытом и знаниями в разных прикладных областях, мелкий бизнес, а также семейный эскапизм. Гаражные посёлки возникли вместе с массовой автомобилизацией в 1970–1980-е гг., и наличие автомобиля и гаража долгое время рассматривалось как один из символов материального и социального благополучия, о чём свидетельствует социальный состав гаражного кооператива в известном фильме советского режиссёра Э. Рязанова.

В 1990-е и начале 2000-х гг. в гаражных городках возникли очаги неформальной экономики — ремесленные мастерские и авторемонты, что дало название целому феномену экономики, определив её как «гаражную», но функцию мужского клуба гаражи при этом сохранили. Моррис также говорит об особой материальной среде гаража, составленной из запасных частей автомобилей, старых механизмов и велосипедных рам. Это то, что можно принять технический мусор, но что сами владельцы считают «ценнее золота» [Morris 2016: 88]. Моррис также интерпретирует «русский гараж» как пространство изобретательности и инновационного мышления, которое владельцы гаражей применяют для того, чтобы приспособить что-то из старого железа к новым нуждам, раскрыть свой творческий потенциал. Безусловно, гараж стал местом производства новой трудовой автономии, связанной с практиками неформальной экономики, в том числе с услугами по авторемонту, незарегистрированному производству пластиковых окон; используются гаражи и как стоянка автомобилей «цыганского такси» и т. д.

Как уже говорилось ранее, книга Морриса имеет собственную сложную композицию: в центре повествования каждой главы находятся жизненные истории и практики повседневности одного-двух героев. В третьей главе такими героями стали Ваня и Маша, супружеская пара, а также Женя и Никита. Эти люди связаны между собой гаражным миром. Для Маши гараж является и проблемой, и решением: с одной стороны, муж уходит из семьи, поскольку «возится» в гараже круглые сутки, а с другой — она знает, где именно он находится, и даже если он переберёт с алкоголем, то не пропадёт неизвестно куда, как муж одной из соседок, у которого нет гаража, и, уходя в запой, он пропадает из поля зрения супруги [Morris 2016: 91]. Молодые жители Излучина Никита и Женя находятся в сложных отношениях обмена, услуг и взаимопомощи, разворачивающихся на фоне общей заботы об автомобилях, хранящихся в их гаражах; эти отношения не имеют монетарного измерения, а являются формой «гаражного товарищества». Для них гараж — это и кафе, и мужской клуб по интересам, и возможность быть независимыми. Отчасти в гараже они продолжают ощущать себя подростками, над которыми не довлеет ответственность за семью и работу.

Для Морриса важной является территориальная локация гаражных кооперативов, которые, как правило, располагаются на окраинах населённых пунктов, на пустырях и вдоль железнодорожного полотна, то есть в пазах города, куда редко добираются цивилизация и власть в виде патрульных полицейских или муниципальных служб. Это одновременно и пространство риска и опасности, поскольку лабиринты гаражей удобны для совершения преступлений, и интимное убежище от проблем внешнего мира — проблем с работой, безденежья и жалоб жены. Моррис активно рассуждает о маргинальности этого места, находящегося «на задах» городской цивилизации, однако, пожалуй, называть гараж маргинальным пространством — это ошибка, поскольку он стал значимой частью мужской культуры жителей России вместе с рыбалкой и охотой. На это указывает и сам автор исследования, говоря о роли гаражной социализации для «синих воротничков», обретения ими особого рода компетенций и умений общаться и возиться с техникой, быть независимыми и включёнными в мужское братство.

В этой главе хорошо описана раздвоенность трудовой идентичности обитателей гаражного мира: с одной стороны, многие из них сохраняют привязанность рабочим профессиям и постоянной занятости на местных предприятиях, а с другой, пытаются найти собственную нишу автономного приложения умений и мастерства, в которой они ощущали бы себя свободными от внешнего контроля. Частая смена форм занятий сопровождается сильной вовлечённостью в гаражную экономику, и одно из популярных занятий здесь — предоставление услуг такси без официальной регистрации. Для многих такой путь является хорошей возможностью поддерживать маскулинные практики рабочего класса без того, чтобы работать на фабрике [Morris 2016: 107], то есть быть гибким и мобильным, самому распоряжаться своим временем, хотя и теряя в стабильности заработка. По сути, это возвращение к формату жизни молодого человека накануне призыва в армию, находящегося в вечном статусном транзите. Однако, согласно Моррису, это не отменяет базовой идентичности рабочего класса, где экономическая выгода

от многочисленных подработок порой менее важна, нежели поддержка товарищеских отношений и возможности реализации имеющихся навыков DIY [Morris 2016: 113–114]. К тому же метапрофессиональная идентичность, по мнению автора исследования, тесно связана с маскулинностью; как говорят сами информанты, быть настоящим мужиком — значит уметь делать много вещей и не теряться в сложных ситуациях [Morris 2016: 115]. В книге подробно разбирается пример с самостоятельным изготовлением домашнего аквариума большого объёма, в котором приняло участие несколько членов «гаражного братства», и каждый из них смог продемонстрировать мастерство, изобретательность и смётку — умение использовать подручные материалы и инструменты для изготовления новых вещей [Morris 2016: 116], что хорошо раскрыто в известном антропологическом и арт-проекте В. Архипова «Вынужденные вещи» [Архипов 2003].

В заключение Моррис рассуждает в этой главе о роли моральной взаимной поддержки маргинализованными представителями рабочего класса в условиях общего социального равнодушия (а иногда и презрения) к этой социальной группе. Находясь под прессом жёсткого менеджмента на основной работе или уйдя в мир неформальной экономики, рабочие тем не менее сохраняют свою метапрофессиональную идентичность, обживая пограничные территории гаражных кооперативов, превращая их в мир мужского братства, где ценится взаимопомощь, товарищество и уникальные навыки мастерового и изобретателя, по своей творческой составляющей сопоставимые, пожалуй, с креативными индустриями глобальных мегаполисов или даже технопарками Кремниевой долины. Отличием, правда, является внеэкономическая мотивация «гаражников» Излучина: для них такая деятельность самоценна и помогает выстраивать моральные классификации в отношениях друг с другом.

Реалии «женского королевства»

Четвертая глава книги «Женское королевство? Аффект, забота и реорганизация труда» («A Woman's Kingdom? Affect, Care and Regendering Labour») переключает внимание читателя с преимущественно мужского мира рабочих Излучина на мир женский, не менее важный для понимания устройства повседневности малого российского города. Эта глава начинается чеховско-вампировскими мотивами: «Мы с Галиной Вильгельмовной сидим на её кухне и едим борщ перед тем как она отправится на вечернюю смену в цех завода “Полимер”. Её зарплата «синего воротничка» составляет 20 тыс. руб. в месяц или 540 дол. (по курсу на момент исследования), что, наряду с небольшой пенсией, составляет всё, чем она должна поддерживать своего мужа-пенсионера, взрослую дочь Елену с годовалым ребёнком и собственную престарелую мать» [Morris 2016: 123]. Затем идёт описание жизни семьи Елены Вильгельмовны, в котором находится место жалобам на низкий урожай помидоров в этом году и другим обыденным вещам.

Переходя к трудовой роли Елены Вильгельмовны, Моррис говорит о сочетании её «мужской» и «женской» ролей рабочего, поскольку, с одной стороны, она выполняет свою основную рабочую функцию, а с другой, участвует в облагораживании (*beautification*) пространства, где трудится, помогая поддерживать газоны на территории предприятия и осуществляя благоустройство своего рабочего места — разводя кактусы и другие комнатные растения. Автор исследования позицию заботы Елены о семье и работе описывает в терминах «трудной любви», когда получатель заботы может не только не просить о ней, но даже, кажется, и не нуждаться в ней или не знать о ней [Morris 2016: 126]. Смыслом жизни Елены становится любовь как «нужность», востребованность другими [Morris 2016: 127].

Работа и привязанность к идентичности «синих воротничков» является важным компонентом психологической самотерапии для работниц старшего поколения, таких как Елена или её коллега Галина. К тому же на предприятиях, подобных «Полимеру», нередко низовой производственный процесс владельцы и менеджмент пускают на самотёк, поскольку заинтересованы в прибыли [Ильин 1996], и тогда

его организация ложится на плечи опытных рабочих, в данном случае Елены и Галины. Моррисом дискутируется тезис о том, что распад социалистического гендерного контракта и трудовой мобилизации женщин ведёт к тому, что в новых условиях они предпочтут вернуться к роли домохозяек. Для Морриса важно, что работа — столь же важный центр женской социализации и объект «трудной любви», как и семейный круг героинь его книги.

Следующая героиня исследования относится к младшему поколению; это дочь Елены Вильгельмовны, Елена, которая работала в детском саду, а потом стала матерью-одиночкой, зависимой от заботы родителей. Она уже не столь жёстко привязана работе, как поколение её матери, и вполне спокойно воспринимает своё домашнее пребывание в декретном отпуске, не стремясь к выходу на рынок труда.

Далее Моррис раскрывает трудовые и личностные стратегии двух молодых женщин, которые выросли и начали свой профессиональный путь уже в постсоветское время и попытались расстаться с «синеворотничковой идентичностью». Юлия работает в колл-центре в Калуге и получает образование детского психолога, а её подруга Полина работала в Москве, в качестве мерчандайзера электронных сигарет. Моррис отмечает общее для его героинь отвращение к своему провинциальному и классовому происхождению, сквозившее в нарративах Юлии и Полины. Они относились с презрением к любому виду «синеворотничковой» работы, а также к мужчинам этого города, которых полагают инфантильными. Обе подруги видят в получении высшего образования возможность перейти на следующую ступеньку социальной лестницы, хотя пока что их трудовой и профессиональный статусы не определены. Этнограф довольно много места уделяет личной жизни Полины и Юлии и соглашается с финскими исследователями [Salmenniemi 2014], что российская женщина находится в противоречивой позиции: с одной стороны, ей важно быть самодостаточной и иметь широкую личную автономию, а с другой, она ожидает эмоциональной поддержки от своего мужчины-партнёра и материнской помощи. В целом же отмечается переходный характер профессиональной и гендерной идентичности Полины и Юлии, которые олицетворяют собой одну из стратегий адаптации к неолиберальному миру постсоветской экономики.

Завершается четвертая глава историей Кати и её семьи, приехавшей в Излучино для работы на местных предприятиях. Катя после получения высшего образования в Калуге стала дипломированным менеджером и, вернувшись в Излучино, смогла получить относительно престижную по местным меркам должность бухгалтера на одном из небольших предприятий города. Свою жизнь она определяет через достижения, среди которых высшее образование, карьера и рождение ребёнка. При этом она рассуждает о лени многих жителей Излучина, не желающих получать дополнительное образование и игнорирующих должностные инструкции на своём рабочем месте. Я слышал подобные рассуждения предпринимателей и топ-менеджеров региональных предприятий малого и среднего бизнеса: они говорили о лени рабочих, отсутствии у них мотивации к развитию и нежелании быть полезными для компаний. Для них рабочие — малопонятная и требующая постоянного мелкого надзора масса, которая скорее мешает, нежели помогает развивать бизнес. Дистанция нередко была тем сильнее, тем ближе по своему исходному социальному происхождению находились предприниматели и менеджеры к «синим воротничкам»; их родители нередко были обычными рабочими или низовыми техническими сотрудниками на советских заводах, однако дети нарочито дистанцируются от рабочей идентичности, видя себя «цивилизаторами» как в технологическом плане, так и в социальном. Катя — именно такой пример: в одной из бесед с автором исследования она сетует на слишком гуманное отношение руководства её предприятия к сотрудникам, что ведёт к падению трудовой дисциплины. При этом она полагает себя незаменимой и субъектом заботы на предприятии — к ней «ходят поплакать в жилетку», она пытается помочь всем. В этом отношении она может рассматриваться как преемница работниц старшего поколения, чья идентичность также строилась на распространении своей заботы на окружающий мир.

В заключение Моррис подчёркивает, что его кейсы — это, скорее, успешные примеры личной и профессиональной реализации, тогда как многие женщины Излучина вынуждены перебиваться на низкостатусных и низкооплачиваемых должностях уборщиц и разнорабочих, поэтому, так же как многие мужчины молодого возраста, относительно легко фланируют между постоянной занятостью и переходом в неформальную экономику.

Исчезающее наследие советского и повседневность малого города

В пятой главе Моррис продолжает использовать разработанный им приём драматургической экспликации различных городских социальных типов, населяющих Излучино. Эта глава посвящена пожилым людям и называется «Живое настоящее: травма и ценности терпения у стареющих людей» («Unhomely Presents: Trauma and Values of Endurance Among Older People»). Впрочем, под стареющими людьми (*older people*) исследователь понимает тех, кому в момент полевой работы было около 50 лет, кто родился в 1950–1960-е гг. и начал свой трудовой путь в 1970–1980-е гг., как одни из главных героев этой главы — квалифицированный сварщик Лёва и его жена Маша. В главе речь идёт о ностальгии и исторической травме, связанной с коррозией и утратой идентичности «настоящего рабочего класса», которой были наделены рабочие, вступавшие в трудовую жизнь в 1970-е гг., когда продолжалась модернизация советских производств и на многих предприятиях реализовывались значительные по объёму социальные программы для персонала. Всё это закончилось в 1990-е гг., и люди этого поколения вдруг оказались «в другой стране», которая была далека от привычного мироустройства. В этот период пространство промышленного социализма стало увядать и сокращаться, как шагреновая кожа. Объекты социальной инфраструктуры приходили в руинированное состояние, а вместо крупных производственных предприятий возникали непонятные мелкие фирмочки и полукустарные мастерские. Согласно Моррису, поколение 50-летних рабочих стало воспринимать это пространство как территорию горя и фантомной боли по утрачиваемой идентичности. Впрочем, работа и отношения на микроуровне трудовой ячейки отчасти стали убежищем для Лёвы и других героев этой главы. Трудовые отношения одновременно воспринимались ими и как патерналистские, и как антименеджериалистские [Morris 2016: 153], то есть социальное наставничество руководства предприятия должно бы сочетаться с минимизацией формального жёсткого управленческого контроля, но строиться на компромиссах и договорённостях, что довольно сложно организовать в новых условиях капитализма.

Ностальгия по позднему советскому времени и пространству советского предприятия принимает вполне материальные формы; например, техник Маша разводит кактусы на подоконниках цехов и подсобок небольшой производственной фирмы, как делала это в 1980-е гг., когда пришла работать на этот завод. В сознании рабочих данного поколения существует разделение времени на «время ДО» и «время ПОСЛЕ». При этом «время ДО» служит олицетворением стабильности и заботы о трудовых людях, а «время ПОСЛЕ» — это своего рода дикое безвременье с неопределённостью и травмой поломанной идентичности.

Исчезающие знаки прошлого в городской среде для старшего поколения рабочих, живущих в городе, также является символом печального конца советского времени. Моррис приводит пример: в начале 1980-х гг. у одной из главных рабочих столовых Излучина была установлена скульптурная композиция, выполненная из жести и нержавеющей стали, — чаепитие с самоваром. В 2009 г. она была сдана в металлолом одним из руководителей местного ЖКХ. Сама столовая примерно тогда же закрылась и стала магазином китайских товаров и одежды. Для информантов антрополога, которые помнили вкусные пирожки и недорогое меню советской столовой, снос скульптуры и закрытие столовой стали ещё одним звеном «проклятой цепи» утрат их прошлого.

Еда и особенно главный её позднесоветский символ — колбаса⁴ занимают отдельное место в мышлениях и жизни рабочих этого поколения. Для них, например, важно, что в советское время «холодильники ломались от мяса», хотя они и признают, что причина этого изобилия крылась в особом («минсредмашевском») режиме снабжения города, тогда как в 1990-е гг. холодильники опустели или там хранились варенья и овощи собственной консервации. Соответственно новый период относительной стабильности и изобилия связывается с тем, что стали больше есть покупных продуктов и мясо снова стало доступным. В целом, отмечает Моррис, дешёвое, сытное и изобильное питание является важным признаком благополучия рабочего класса и частью гостеприимства, объектом которого стал и исследователь, побывав в гостях у Лёвы и других излучинских семей [Morris 2016: 159].

Антрополог использует понятие «социальная травма», заимствованное из работ С. Ушакина (см.: [Oushakine 2000]), для описания состояния семьи Лёвы в 1990-е гг. Социальная травма была не результатом точечного, короткого по времени события, но протяжённой стагнации и распада промышленного и социального наследия советской эпохи. Эта травма включает непривычное для советского рабочего класса состояние незащитности, неопределённости внешней среды и непредсказуемости будущего, что воспринимается чрезвычайно болезненно. Семейный круг и разного рода внеэкономическая активность (например, готовка и консервация множества банок компота на зиму) стали эмоциональным убежищем от социальной травмы, в первую очередь — для женщин. У мужчин есть гараж, дача, заводская мастерская и выпивка с друзьями — собственное пространство маскулинной социальности [Morris 2016: 169].

Травматичное руинирование советского пространства и советского институционального порядка затрагивало не только промышленные предприятия, но всю социальную инфраструктуру, в том числе школы, детские сады, центры культуры и парки и этот видимый глазу распад придал дополнительную катастрофичность восприятию своей жизненной ситуации излучинцами, которым около 50 лет, чьё детство и начало трудового пути пришлось на бурное развитие города и производства. Закрытие столовой, превращение школьного бассейна в «заброшку» и жалкое существование местного дома культуры описываются информантами как «знаки беды» и распада всего их жизненного уклада. Это не значит, что Лёва или его жена активно занимались в кружках дома культуры или мечтают поплавать в бассейне; это значит, что привычная для них пространственная среда уходит в прошлое, разрушается.

Моррис останавливается и на роли алкогольных практик в поддержании мужского авторитета Лёвы, который рассматривает возможность уйти в запой как особую степень свободы, противостоящую новым капиталистическим формам найма, когда любой прогул может стать основанием для увольнения. Ссылаясь на российские и зарубежные работы, антрополог пытается найти объяснение природы и причин российского пьянства в среде рабочего класса, которое то ли было ответом на невозможность противостоять эксплуатации в сталинский период то ли реакцией на социальную атомизацию горбачёвского периода [Morris 2016: 178]. Впрочем, таких причин и объяснений можно найти множество; ни одно из них не будет достаточно убедительным. Антрополог свидетельствует: в Излучине до сих пор принято выпивать на рабочем месте, и эти формы пьянства не рассматриваются как алкоголизм, но как часть обыденной жизни значительной доли мужчин-рабочих. Моррис настаивает, что жизнь 50-летних рабочих нельзя сводить исключительно к пассивному спасению в период неопределённости 1990-х гг.; она была сложным конгломератом компромиссов, социальной травмы и поисков новой идентичности в сильно изменившемся мире.

Новые идентичности рабочего класса в меняющемся мире

Шестая глава книги называется «Нет страны для молодого человека: встречая неолиберализм в транснациональных корпорациях» («No Country for Young Man: Encountering Neoliberalism in Transnational

⁴ О сакральной роли колбасы в наборе продуктов питания советского человека см.: [Klumbyté 2010; Глущенко 2015].

Corporations») и начинается с рассуждений о статусной роли автомобилей российского и зарубежного производства (иномарок). Покупка новой иномарки вместо ржавого ВАЗа, даже если это не самый престижный для 2011 г. «Nissan QASHQAI», отражает переход в новый социальный класс, где, вместо случайных приработков и труда в полуподпольных гаражных мастерских, имеется стабильный доход и «чистая работа». В центре рассмотрения в этой главе находится столь же важный переход одного из героев книги от статуса прекарного рабочего в кустарном цеху в статус «рабочей аристократии» — «синего воротничка» на высокотехнологичном сборочном производстве зарубежного автомобильного концерна, что, однако, не спасает от поиска пространства выживания. Впрочем, тема автомобилизма и его связи с социальным статусом не оставляется Моррисом без внимания: он подчёркивает объективную необходимость наличия автомобиля в таком населённом пункте, как Излучино, где машина нужна в том числе и для хозяйственных нужд. При этом обращается внимание на практическое чувство классовых различий у мужчин из Излучина, воплощённое в привязки модели автомобиля к статусу владельца. Например, один из героев исследования сказал в отношении приятеля, купившего корейский джип: «Не по Сеньке шапка», — имея в виду, что автовладельческие амбиции этого приятеля не соответствуют его реальному социальному статусу [Morris 2016: 194].

Далее Моррис возвращается к обсуждению динамики персональной идентичности нового поколения рабочего класса — тех, кто решил связать свою трудовую карьеру с занятостью на крупных совместных и зарубежных предприятиях, расположенных в Калужской области: этот индустриальный кластер вырос благодаря удачному расположению региона, находящегося недалеко от Москвы — главного российского центра потребления, а также в результате умелой политики руководства области, ориентированной на создание сборочных площадок для транснациональных компаний. Моррис отмечает, что некоторые из жителей Излучина, выбравших путь работника в зарубежной компании, держатся особняком среди своих сверстников, оставшихся работать в городке — возможно, опасаясь зависти.

Для героев этой главы важным стал совершенно новый опыт не только работы в новых технологических и организационных условиях, но и взаимодействия с иностранными менеджерами, чей стиль общения оказался отличным от того, к чему привыкли излучинцы. Настойчивость и требовательность этих менеджеров не выливалась в крики и ругань, как это нередко бывало на российских предприятиях; «иностранцы» были спокойны и последовательны. При этом у рабочих из Излучина сохранялась тревожность, связанная в том числе с формальным менеджериалистским подходом к промахам в процессе труда. Если на некоторых местных предприятиях на эти промахи закрывали глаза, что, впрочем компенсировалось более низким уровнем оплаты труда, то зарубежные компании не испытывали угрызений совести по поводу штрафов или увольнений [Morris 2016: 202]. Впрочем, отсутствие «штурмовщины» и тейлористски организованный труд имел для информантов и свои преимущества: рабочие точно знали, сколько и за что они получают в данный конкретный момент времени и труд какого качества от них требуется.

Эти преимущества нивелировались недостатками, связанными с чрезмерно жёстким дисциплинированием трудового процесса, элиминированием автономии на рабочем месте и превращением производственного пространства в своего рода офшорные «государства в государстве», где действуют отдельные правила и инструкции и уволить могут просто за запах алкоголя, оставшийся от вчерашней вечеринки. Даже перемещение по этим закрытым промышленным зонам регламентировано и происходит только на корпоративном транспорте. Отчасти это напоминает советские «закрытые города», но, конечно, очень далеко от излучинских практик организации труда [Morris 2016: 205]. Встреча глобальной корпоративной культуры современного сборочного производства и привычных рамок труда и отдыха «слободского» типа, откуда нанимаются рабочие на иностранные предприятия в Калужской области, приводит к столкновению культур: для иностранных менеджеров необязательность и слабая трудовая дисциплина наёмных работников является неприятным сюрпризом, а для рабочих жёсткий

формализм западного менеджмента выглядит как форма бесчеловечной эксплуатации трудящихся, осуществляемая к тому же в интересах западного капитализма. В целом, можно сказать, что проблема кроется в отсутствии серьёзных исследований специфики российской трудовой культуры, результаты которых могли бы быть имплантированы в управленческие технологии, что позволило бы сформировать эффективную модель менеджмента, учитывающую местные реалии и современные технологии управления. Вместо этого чаще всего стандарты управления просто навязываются работникам.

Методическая рефлексия этнографа

Седьмая глава книги Морриса «Интимная этнография и кросс-культурные исследования» («Intimate Ethnography and Cross-Cultural Research») обобщает методический опыт исследователя и является важной для понимания сложностей и вызовов, с которыми сталкивался этнограф, работая в Излучино. Сам автор называет свой опыт эмоциональным трудом [Morris 2016: 215]. Моррис говорит о своём желании максимально полно и аутентично донести голоса и интерпретации информантов до читателей книги, хотя и понимает, что это порой невозможно в силу объективной дистанции между социальной реальностью и способностью исследователя аутентично её выразить. Этнограф пишет о том, что на первых этапах исследования ему удалось открыть для себя потаённые миры гаража и мастерских, поскольку информанты рассматривали его в качестве экзотического гостя-иностранца, которым можно «поделиться» с друзьями, и Моррис находился в роли «исследователя-талисмана». Постепенно, по мере адаптации к языковой среде и утраты статуса «экзотической новинки», автор книги смог избавиться от этой роли и до какой-то степени стать почти «своим» в Излучине. Этнограф детально описывает особенности взаимоотношений с различными информантами и надеется, что несмотря на откровенность содержания книги, он не переступил черту профессиональной этики, раскрывая подробности личной и трудовой жизни своих героев. При этом Моррис говорит о том, что ему приходилось мимикрировать, особенно, когда его информантами становились предприниматели и менеджеры местных предприятий: для них было важно, что он является иностранцем, образованным представителем среднего класса, то есть они могли не беспокоиться о том, что роняют свой социальный статус в процессе общения [Morris 2016: 218]. Этнограф отдельно отмечает, что в российском контексте статус иностранца-аутсайдера работает в пользу исследователя, перед ним открываются двери, которые закрыты для местных, и информанты легче раскрывают свою душу. Тут стоит вспомнить первые опыты посещения Московии зарубежными путешественниками в XVI–XVII века или книгу Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году», где упоминается о насторожённости жителей страны по отношению к иностранцам, но, одновременно, и о готовности показать и рассказать о том, о чем местным не будут рассказывать или что не будут показывать.

Также Моррис рассуждает о разных типах этнографического наблюдения и не склонен поддерживать сторонников наблюдения, которые *a priori* исходят из жёстких теоретических рамок вместо того, чтобы следовать полевой динамике [Morris 2016: 222]. Свой подход Моррис обозначил как «интимную этнографию», которая предполагает глубокое погружение в жизненный мир информантов и разделение с ними большинства повседневных практик. Исследователь считает, что без этого невозможно полноценное изучение жизни людей рабочего класса в Излучине: нейтральность и дистанцирование создают риски редукционизма — сведения интерпретаций к простым марксистским формулам отчуждения и эксплуатации либо к характеристикам социальной и культурной маргинализации исследуемой группы.

Автор довольно много рассуждает о тяжёлой эмоциональной работе, которая сопровождает подобного рода этнографические исследования, и ссылается на опыт российского антрополога А. Гарифзяновой [Garifzianova 2010], которая провела впечатляющее исследование в среде воркутинских скинхедов. В заключение автор затрагивает проблему языковой компетентности, которая необходима при проведении столь погруженных этнографических наблюдений.

В восьмой главе, которая называется «Заключение: создавая привычную жизнь в малом российском городе» («Conclusions: Making Habitable Lives in Svall-Town Russia») и является заключением к книге, Моррис обобщает свои итоговые впечатления от излучинской экспедиции и подводит черту под своими эмпирическими наблюдениями, завершающаяся часть которых пришлась на 2012 г. Он отмечает, что одним из признаков относительной нормализации жизни «синих воротничков» Излучина стала, например, «сушимания» — общее увлечение адаптированной версией японской кухни в виде самостоятельного приготовления суши и роллов из имеющихся в продаже ингредиентов⁵. По мнению Дж. Морриса, так проявляется тяга к стилю жизни среднего класса и в то же время дают о себе знать традиции изобретательства в стиле DIY, поскольку локальная версия японской кухни довольно далека от оригинала. Далее, рассуждая об урбанистических особенностях изучения бывших советских промышленных моногородов, подобных Излучино, автор называет их полигонами, то есть испытательными зонами, где люди и социальные практики проходили и проходят испытания, сначала связанные с социалистическим индустриальным строительством, а потом и с его окончанием и распадом инфраструктуры, когда население вынужденно было превращаться из квалифицированных работников в «выживальщиков». В заключительной главе автор вновь напоминает о ключевой теме всей работы — о жизненной философии обитателей Излучина, которая может быть обобщена простым тезисом: «Нам хватает!» (или: «Нам достаточно!»). Население Излучина продолжает сочетать советские и досоветские практики натурального обмена и домашней сетевой экономики, различные формы низового изобретательства с попытками — иногда успешными, иногда нет — интеграции в новые режимы капиталистического труда и потребления; они устраиваются работать на современные предприятия, организованные по лекалам западного менеджмента, уезжают из Излучина в мегаполисы, в том числе в Москву, приобретают новые товары и новые консьюмеристские привычки. В действительности жизнь в Излучине нельзя назвать застойным болотом; это очень подвижная, по-своему динамичная и, безусловно, заслуживающая исследовательского внимания социальная и культурная среда русской провинции.

Заключение <2 ур.>

Книга Дж. Морриса находится в ряду известных антропологических и этнографических исследований позднесоветского и постсоветского мира, которые были посвящены различным темам, в том числе странностям жизни Бурятии начала 1990-х гг. [Абрамов 2007; Хамфри 2010], дачной жизни Санкт-Петербурга [Ловелл 2008], перестроечным интеллигентским разговорам на московских кухнях [Рис 2005] и сравнительному изучению культуры закрытых атомоградов в СССР и США [Brown 2013], а также многому другому. Между тем в работе Морриса есть свои особенности, заставляющие внимательно отнестись к данному этнографическому исследованию.

Прежде всего, это работу Морриса отличает внимание автора к деталям и высокая степень погруженности в объект исследования, которая имеет и свои преимущества, и свои риски, охарактеризованные автором в заключительной главе книги. Сама по себе методическая рефлексия Дж. Морриса, касающаяся поиска равновесия между отстраненной позицией антрополога-иностранца и наблюдателя как участника жизни Излучина полезна для понимания проблем, с которыми сталкивается большинство исследователей, работающих в жанре социальной этнографии и качественной методологии в социологии. Главные риски кроются в нащупывании необходимой дистанции относительно объекта исследования, позволяющей, с одной стороны, давать обоснованные описания и обобщения, а с другой, не выглядеть «этнографом в пробковом шлеме». Однако такой подход даёт возможность характеризовать повседневность других социальных групп и классов без чувства цивилизаторского превосходства или снисходительной жалости. Тем не менее он не исключает отождествления себя с полем, когда снятие коммуникативной дистанции между информантами и исследователем, выход в пространство эмоцио-

⁵ О феномене популярности японской кухни в России в контексте глокализации см. также: [Абрамов 2010: 181].

нально насыщенных отношений влекут за собой сложные этические дилеммы. Похоже, Дж. Моррису удалось показать и проанализировать эти риски.

В настоящее время в России можно видеть взрывной рост популярности экспедиционной и полевой работы, которая ещё лет 15 назад была, в основном, делом фольклористов, а отдельные полевые исследования трудовых отношений (преимущественно проводимых под эгидой Института сравнительных исследований трудовых отношений (ИСИТО) в 1990-е гг.) были, скорее, редкостью. Теперь же социальные географы, урбанисты, социальные антропологи и социологи активно открывают для себя «глубинную» Россию [Глазычев 2005], рассказывая аудитории о сельской жизни поселков Костромской области [Ильин, Покровский 2016], изучая отходничество [Жидкевич 2016] и «гаражную экономику» Подмосковья [Селеев, Павлов 2016], вовлекаясь в жизнь городских сообществ [Жвирблис, Рудь, Герасименко 2017]. В этом отношении книга Дж. Морриса становится не просто ещё одним ценным источником сведений о повседневности российской провинции, но служит отличным пособием по тому, как можно проводить исследования, бережно сочетая теоретические перспективы с анализом полевого материала и методической рефлексией. Важным уроком этой книги является видимая трудоёмкость этнографической экспедиционной работы, которую невозможно провести десантной высадкой «в поля», быстрым сбором данных и последующим столь же быстрым переходом к публичной презентации получившегося материала. Моррис делает «медленную этнографию», годами находясь в «своём» поле, и это сильно повышает качество и достоверность итогового текста.

Итак, можно констатировать, что книга Дж. Морриса — это большое и содержательно насыщенное исследование, работа, которая читается с интересом и, конечно, может служить важным методическим и даже теоретическим источником для антропологов, социологов и этнографов, занятых изучением российской жизни и рабочего класса.

Литература

- Абрамов Р. Н. 2007. Преодолевая джунгли постсоветской реальности. Рецензия на книгу: Humphrey C. The Unmaking of Soviet Life: Everyday Economies After Socialism (2002). *Экономическая социология*. 1 (8): 94–102. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2007-8-1/26593346.html>
- Абрамов Р. Н. 2010. Трансформация концепта массового общества в эпоху глобализации: российский контекст идеологии масскульта. В кн.: Девятко И. Ф., Фомина В. Н. (отв. ред.) *Глобализация и социальные институты: социологический подход*. М.: Наука; 134–185 (гл. 5).
- Абрамов Р. Н., Зудина А. А. 2009. Люди XXI как рефлексивные консьюмеры: социологический анализ потребительского потенциала. *Практический маркетинг*. 9: 11–23.
- Абрамов Р. Н., Зудина А. А. 2010. Социальные инноваторы: досуговые практики и культурное потребление. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 6: 109–119.
- Абрамов Р. Н., Зудина А. А. 2012. Культурное потребление и досуговые практики «социальных инноваторов»: социологический анализ. *Вестник Удмуртского университета*. 3–1: 52–64.
- Абрамов Р. Н., Климова С. Г. 2010. Современный работник: концептуализация и эмпирическая проверка понятия. *Мир России: Социология, этнология*. 19 (2): 98–117.
- Архипов В. 2003. *Вынужденные вещи. 105 штукovin с голосами их авторов из коллекции Владимира Архипова*. М.: Типолигон.

- Глазычев В. 2005. *Глубинная Россия: 2000–2002*. М.: Новое издательство.
- Глушченко И. В. 2015. *Общепит. Микоян и советская кухня*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Жвирблис Л. В., Рудь Д. С., Герасименко А. В. 2017. Топография счастья: Курьяново. от искусственно созданного сообщества к самоорганизованному. *Научный результат. Социология и управление*. 3 (1): 49–57. URL: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/19644/1/Zhvirblis_Topografiya_17.pdf
- Жидкевич Н. Н. 2016. Социальный портрет современного российского отходника. *Журнал социологии и социальной антропологии*. XIX (1): 73–89.
- Ильин В. 1996. «Белые воротнички» в современной России: новые средние слои или конторский пролетариат? *Рубеж. Альманах социальных исследований*. 8–9: 98–122.
- Ильин В. И. Покровский Н. Е. (отв. ред.) 2016. *Горожане в деревне. Социологические исследования в российской глубинке: дезурбанизация и сельско-городские сообщества*. М.: Университетская книга.
- Ловелл С. 2008. *Дачники. История летнего жилья в России (1710–2000)*. СПб.: Академический проект.
- Рис Н. 2005. *Русские разговоры. Культура и речевая повседневность эпохи перестройки*. М.: Новое Литературное обозрение.
- Селеев С. С., Павлов А. Б. 2016. *Гаражники*. М.: Страна Оз.
- Хамфри К. 2010. *Постсоветские трансформации в азиатской части России (антрополог. очерки)*. М.: Наталис.
- Brown K. 2013. *Plutopia: Nuclear Families, Atomic Cities, and the Great Soviet and American Plutonium Disasters*. Oxford: Oxford University Press.
- Garifzianova A. 2010. Research Emotions: The View from the Other Side. In: Pilkington H., Omel'chenko E., Garifzianova A. B. (eds), *Russia's Skinheads: Exploring and Rethinking Subcultural Lives*. London; New York: Routledge; 200–210.
- Klumbyte N. 2010. The Soviet Sausage Renaissance. *American Anthropologist*. 112 (1): 22–37.
- Klumbyte N., Sharafutdinova G. 2015. Introduction: What Was Late Socialism. In: Klumbyte N., Sharafutdinova G. (eds) *Soviet Society in the Era of Late Socialism, 1964–1985*. Plymouth: Lexington Books; 1–15.
- Linkon S. L. 2013. Narrating Past and Future: Deindustrialized Landscapes as Resources. *International Labor and Working-Class History*. 84: 38–54.
- Morris J. 2016. *Everyday Post-Socialism. Working-Class Communities in the Russian Margins*. London: Plagrave Macmillan.
- Oushakine S. 2000. In the State of Post-Soviet Aphasia: Symbolic Development in Contemporary Russia. *Europe-Asia Studies*. 52 (6): 991–1016.

Salmenniemi S. 2014. The Making of Civil Society in Russia: A Bourdieuan Approach. *International Sociology*. 29 (1): 22–37.

Salmenniemi S., Adamson M. 2014. New Heroines of Labour: Domesticating Postfeminism and Neoliberal Capitalism to Russia. *Sociology*. 49: 188–105.

Roman Abramov

«It Is Enough!»: Life and Adventures Postsoviet Working Class Seen by the Eyes of a Foreign Ethnographer

Book Review: Morris J. (2016) *Everyday Post-Socialism. Working-Class Communities in the Russian Margins*. London: Palgrave Macmillan. 292 p.

ABRAMOV, Roman — Associate Professor, Candidate Science in Sociology, the Analysis of Social Institutions Department, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics; senior researcher The Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation.

Email: rabramov@hse.ru

Abstract

This article is a review of the new book by ethnographer Jeremy Morris “Everyday Post-Socialism. Working-Class Communities in the Russian Margins”. The book is based on the ethnographic study of the life and work of the population of the provincial industrial Russian town Isluchino in the period 2009-2012. Characteristics of the phenomenon of soviet and postsoviet of single-industry towns are given. These settlements have a lot of social problems now because of the deindustrialization period during 1990th. The author analyses social positions of Isluchino inhabitants and describes their family, labour and biographical traces. This study shows the importance of the transition from the soviet to postsoviet period for Russian working class. Workers lost respected status and stable employment during the 1990-ies and moved to the survival situation. Aged and young generations have misunderstanding about the vision of their

positions in the social and occupational structure. Morris speaks of women’s role in working class families whose function is to care for and the maintain family integrity. The author pays special attention to labor relations at local enterprises and demonstrates the transformation of corporate cultures of local businesses. Rigid managerial models of the business administration changed former soft paternalism in the management soviet enterprises. The book contains the methodological reflection of Morris on his professional role as an ethnographer. This book is interesting for sociologists, anthropologists, ethnographers, experts in gender studies and labor relations.

Keywords: ethnography; working class; small town; everyday life; labor; gender; postsoviet.

Acknowledgements

Текст подготовлен для проекта «Этнография рабочего места» (Фонд Хамовники), <http://khamovniky.ru/projects/etnografiya-rabochego-mesta.html>

References

Abramov R. N. (2007) Preodolevaya dzhungli postsovetskoy real’nosti. Retsenziya na knigu: Humphrey C. The Unmaking of Soviet Life: Everyday Economies After Socialism (2002). [Overcoming the Jungles of Post-Soviet Reality. Book Review: Humphrey C. The Unmaking of Soviet Life: Everyday Economies After Socialism]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 8, no 1, pp. 94–102. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2007-8-1/26593346.html> (accessed 20 March 2018) (in Russian).

- Abramov R. N. (2010) Transformatsiya kontsepta massovogo obshchestva v ehpokhu globalizatsii: rossiyskiy kontekst ideologii masskul'ta [Transformation of the Concept of Mass Society in the Era of Globalization: The Russian Context of Mass Culture Ideology]. *Globalizatsiya i sotsial'nye instituty: sotsiologicheskii podkhod* [Globalization and Social Institutions: A Sociological Approach] (eds. I. F. Devyatko, V. N. Fomina), Moscow: Nauka: 134–185 (Ch. 5) (in Russian).
- Abramov R. N., Klimova S. G. (2010) Sovremennyy rabotnik: kontseptualizatsiya i ehmpiricheskaya proverka ponyatiya [Modern Employee: Conceptualization and Empirical Verification of the Concept]. *Mir Rossii = Universe of Russia: Sociology, Ethnology*, vol. 19, no 2, pp. 98–117 (in Russian).
- Abramov R. N., Zudina A. A. (2009) Lyudi XXI kak reflektivnye kons'yumery: sotsiologicheskii analiz potrebitel'skogo potentsiala [People of the XXI Century as Reflective Consumerists: Sociological Analysis of Consumer Potential]. *Practical Marketing*, no 9, pp. 11–23 (in Russian).
- Abramov R. N., Zudina A. A. (2010) Sotsial'nye innovatory: dosugovye praktiki i kul'turnoe potreblenie [Social Innovators: Leisure Practices and Cultural Consumption]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no 6, pp. 109–119 (in Russian).
- Abramov R. N., Zudina A. A. (2012) Kul'turnoe potreblenie i dosugovye praktiki "sotsial'nykh innovatorov": sotsiologicheskii analiz [Cultural Consumption and Leisure Practices of "Social Innovators": Sociological Analysis]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, no 3-1, pp. 52–64 (in Russian).
- Arkhipov V. (2003) *Vynuzhdennye veshchi. 105 shtukovin s golosami ikh avtorov iz kolleksii Vladimira Arkhipova* [Forced Things. 105 Pieces with Voices of Their Authors from the Collection of Vladimir Arkhipov], Moscow: Tipoligon (in Russian).
- Brown K. (2013) *Plutopia: Nuclear Families, Atomic Cities, and the Great Soviet and American Plutonium Disasters*, Oxford: Oxford University Press.
- Garifzianova A. (2010) Research Emotions: The View from the Other Side. *Russia's Skinheads: Exploring and Rethinking Subcultural Lives* (eds. H. Pilkington, E. Omel'chenko, A. Garifzianova), London; New York: Routledge, pp. 200–210.
- Gidkevich H. H. (2016) Sotsial'nyj portret sovremennogo rossiyskogo otkhodnika [Social Portrait of the Modern Russian Migrant Worker.] *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii = Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. XIX, no 1, pp. 73–89.
- Glasichev V. (2005) *Glubinnaya Rossiya: 2000–2002* [Deep Russia: 2000–2002], Moscow: Novoe izdatel'stvo (in Russian).
- Glushenko I. V. (2015) *Obshchepit. Mikoyan i sovetskaya kukhnya* [Public Catering. Mikoyan and Soviet Cuisine], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Il'in V. (1996) «Belye vorotnichki» v sovremennoy Rossii: novye srednie sloi ili kontorskiy proletariat? [“White Collars” in Modern Russia: The New Middle Strata or the Office Proletariat?]. *Rubezh. Almanac of Social Studies*, no 8–9, pp. 98–122 (in Russian).
- Il'in V. I., Pokrovskij N. E. (eds) (2016) *Gorozhane v derevne. Sotsiologicheskie issledovaniya v rossiyskoy glubinke: dezurbanizaydiya i sel'sko-gorodskie soobshchestva* [Townspeople in the Village. Sociological

Research in the Russian Outback: De-Urbanization and Rural-Urban Communities], Moscow: Universitetskaya kniga (in Russian).

- Klumbytė N. (2010) The Soviet Sausage Renaissance. *American Anthropologist*, vol 112, no 1, pp. 22–37.
- Klumbytė N., Sharafutdinova G. (2015) Introduction: What Was Late Socialism. *Soviet Society in the Era of Late Socialism, 1964–1985* (eds. N. Klumbytė, G. Sharafutdinova), Plymouth: Lexington Books, pp. 1–15.
- Linkon S. L. (2013) Narrating Past and Future: Deindustrialized Landscapes as Resources. *International Labor and Working-Class History*, no 84, pp. 38–54.
- Lovell S. (2008) *Dachniki. Istoriya letnego zhil'ya v Rossii (1710–2000)* [Summer Residents. The History of Summer Housing in Russia (1710–2000)], St. Petersburg: Academic Project (in Russian).
- Morris J. (2016) *Everyday Post-Socialism. Working-Class Communities in the Russian Margins*, London: Plagrave Macmillan.
- Oushakine S. (2000) In the State of Post-Soviet Aphasia: Symbolic Development in Contemporary Russia. *Europe-Asia Studies*, vol. 52, no 6, pp. 991–1016.
- Ris N. (2005) *Russkie razgovory. Kul'tura i rechevaya povsednevnost' ehpokhi perestroyki* [Russian Conversations. Culture and Speech Everyday Life of the Era of Perestroika], Moscow: New Literary Observer Publishing House (in Russian).
- Salmenniemi S. 2014. The Making of Civil Society in Russia: A Bourdieuan Approach. *International Sociology*, vol. 29, no 1, pp. 22–37.
- Salmenniemi S., Adamson M. (2014) New Heroines of Labour: Domesticating Postfeminism and Neoliberal Capitalism to Russia. *Sociology*, no 49, pp. 188–105.
- Selev S. S., Pavlov A. B. (2016) *Garazhniki* [Garages], Moscow: Country Oz (in Russian).
- Zhvirblis L. V., Rud' D. S., Gerasimenko A. V. (2017) Topografiya shchast'ya: kur'yanovo. ot iskusstvenno sozdannogo soobshchestva k samoorganizovannomu [Topography of Happiness: Kuryanovo. From an Artificially Created Community to a Self-Organized One]. *Nauchnyy rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie = Research Result. Sociology and Management*, vol. 3, no 1, pp. 49–57. Available at http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/19644/1/Zhvirblis_Topografiya_17.pdf (accessed 20 March 2018) (in Russian).

Received: December 12, 2017

Citation: Abramov R. (2018) “Nam khvataet!”: zhizn' i priklyucheniya postsovetskogo rabocheho klassa, uvidennye glazami zarubezhnogo etnografa [“It Is Enough!”: Life and Adventures Postsoviet Working Class Seen by the Eyes of a Foreign Ethnographer. Book Review: Morris J. (2016) *Everyday Post-Socialism. Working-Class Communities in the Russian Margins*. London: Palgrave Macmillan. 292 p], *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 19, no 2, pp. doi: